

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.21684/2587-8484-2021-5-3-84-98

УДК 316.42

Образ будущего глазами уральских студентов

Юрий Рудольфович Вишневский¹, Анна Николаевна Тарасова²,
Дарья Фёдоровна Телепаева³

¹ доктор философских наук, почетный профессор
кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления,
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(г. Екатеринбург, РФ)
soc_stu@e1.ru

² кандидат социологических наук, доцент
кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления,
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(г. Екатеринбург, РФ)
ORCID: 0000-0002-9448-2893; WoS ResearcherID: B-1811-2017
a.n.tarasova@urfu.ru

³ ассистент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления,
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(г. Екатеринбург, РФ)
daria.telepaeva@urfu.ru

Аннотация. Изучение темпоральных установок молодежи — одна из актуальных тем, учитывая ту ситуацию неопределенности и рискогенности, в которой общество находится сегодня, в том числе из-за пандемии COVID-19. Рассматриваемая в статье проблема состоит в выявлении детерминант социального конструирования своего личного будущего в сопряжении с будущим своей страны в сознании молодого поколения. Цель — показать, каким видят будущее студенты Урала, выделить изменения в установках именно в период пандемии. Статья построена на данных VIII этапа мониторинга студенчества Среднего Урала, проведенного в 2020 г., т. е. в период пандемии коронавируса. Всего в опросе приняли участие 2 000 студентов из 13 вузов Свердловской области. В работе использованы методы дескриптивного анализа, метод корреляционного анализа на основе коэффициента Спирмана, индексный метод. По результатам исследования выделена общая тенденция: в оценках студентов уверенность в завтрашнем (постковидном?) дне ниже, чем в отдаленном будущем. При этом влияние пандемии на восприятие собственного будущего студентами оказалось не столь сильным, как этого можно было бы ожидать. Отмечается некоторое противоречие: при оценке своего настоящего и будущего студенты оказываются более оптимистичны, чем при оценке будущего страны. Сделан вывод о наличии перекоса в темпоральных установках студентов. Обозначены расхождения в образах «желаемого» и «ожидаемого» будущего. Студенческая молодежь Урала говорит о позитивных переменах в стране гораздо реже, чем о негативных. В сочетании со снижающейся самооценкой защищенности (0,49) от преследований за

политические убеждения это несет в себе потенциальную угрозу, что требует пристального внимания всех, работающих с молодежью. Рекомендуется формировать стратегическое мышление у молодежи, вырабатывая умение видеть грядущие угрозы и проблемы, пока они лишь зарождаются и есть время смягчить их или подготовиться к их воздействию.

Ключевые слова: студенчество, Урал, темпоральные установки, образ будущего, желаемое будущее, ожидаемое будущее, защищенность, оптимизм, социальное самочувствие, перспективные жизненные планы.

Цитирование: Вишневский Ю. Р. Образ будущего глазами уральских студентов / Ю. Р. Вишневский, А. Н. Тарасова, Д. Ф. Телпаева // Siberian Socium. 2021. Том 5. № 3 (17). С. 84-98.

DOI: 10.21684/2587-8484-2021-5-3-84-98

ВВЕДЕНИЕ

Образ будущего интересен для исследователей различных специальностей, в том числе и социологов. Учитывая, что будущее всегда связывается с молодежью, изучение ее темпоральных установок представляется весьма важной исследовательской задачей. Пандемия COVID-19 также внесла свой вклад в восприятие будущего: весь 2020 г. прошел в атмосфере неопределенности и тревоги, что не могло не наложить отпечаток на формируемый у молодежи образ будущего. Часто звучат слова, что мир уже не будет прежним, а современные специалисты пытаются представить, каким он будет после пандемии [3, 9]. Выделенная проблема влияния социальных последствий COVID-19 на темпоральные установки молодежи междисциплинарна по своей сути и затрагивает несколько актуальных проблемных областей как в теоретическом, так и в практическом смыслах. Во-первых, меняется восприятие связки прошлого и настоящего из-за высокой рискогенности последнего, а соответственно, ближайшее будущее становится наполнено прогнозами неопределенности. Во-вторых, традиционно выстроенная политика работы с молодежью, в том числе в реализации национальных проектов, всё чаще вступает в определенные противоречия с жизненным миром самой молодежи, что связано с фундаментальными социальными изменениями, которые происходили как в стабильную фазу до пандемии (цифровизация, глобализация и др.), так и в период самой пандемии. В-третьих, сегодня мало фиксировать, что мы живем в «обществе риска», для молодежи важно научиться жить в этих условиях риска.

Таким образом, крайне актуально дать оценку того, как воспринимает студенческое сообщество текущий кризисный период, сопряженный с глобальными и локальными рисками и испытаниями, и спрогнозировать влияние последних на конструирование молодыми людьми своего будущего. Изучение социальных представлений студенческой молодежи в континууме прошлого, настоящего и будущего видится востребованным и обоснованным.

Проблема заключается в выявлении детерминант социального конструирования своего личного будущего в сопряжении с будущим своей страны в сознании молодого поколения. Цель данной статьи — представить некоторые результаты VIII этапа мониторинга студентов Урала относительно их образа будущего, показать те изменения в установках молодежи, которые обозначились именно в 2020 г., т. е. в период пандемии коронавируса. Хотя исследователи достаточно часто изучали представления студентов о своем будущем, чаще всего анализ дается в контексте именно профессионального будущего, жизненных стратегий в сфере образования и труда [2], в том числе с позиции обеспечения субъективного благополучия [6]. В данной статье акцент сделан скорее на эмоциональной оценке своего будущего и сопоставлении образов желаемого и ожидаемого будущего.

Методология исследования

Статья подготовлена по результатам VIII этапа мониторинга студенчества Среднего Урала, реализуемого с 1995 г. [13]. В данной волне мониторинга сохранен его основной принцип выбор-

ки — это опрос студентов-очников III курса. Такой принцип обусловлен тем, что как раз эта категория студентов уже адаптировалась в вузе, но уже задумываются о том, что будет после его окончания. Но особенность этой волны в том, что исследование проведено в период пандемии (2020 г.), что, несомненно, наложило отпечаток и на методологию исследования (оно впервые проведено полностью онлайн), и на полученные результаты. Общая выборка исследования составила 2 000 студентов из 13 вузов Свердловской области, в том числе 36% студентов по профилю подготовки инженерное дело, технологии и технические науки, 32% — науки об обществе, 22% — гуманитарные науки, педагогические науки, образование, искусство и культура и 10% — математические и естественные науки, медицинские науки, сельскохозяйственные науки. Гендерная структура выборки: 40% молодых мужчин и 60% девушек.

Проведен замер таких показателей, как степень уверенности в своем будущем — близком («завтрашний день») и отдаленном, период жизненного планирования, причины, мешающие планированию своего будущего, социальное самочувствие, образы «желаемого» и «ожидаемого» (вероятного) будущего.

Для анализа полученных результатов использованы методы дескриптивного анализа (анализ частотных распределений, оценка мер центральной тенденции и разброса) и метод корреляционного анализа на основе коэффициента Спирмана. Дополнительно задействован метод расчета индексов социального самочувствия по методологии Н. И. Лапина [5].

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Важнейшая характеристика отношения студентов к своему будущему — степень уверенности (или неуверенности) в нем. В рамках исследования мы разграничили будущее на более близкое («завтрашний день») и отдаленное («будущее»). Что же выяснилось при сравнении ответов?

Уверен в «завтрашнем дне» каждый третий студент из пяти. Уверенность в будущем тоже преобладает, она отмечена каждым вторым. Близко

соотношение «уверенных» и «неуверенных» в ближайшем и отдаленном будущем (в отношении «завтрашнего дня» оно 2:1, в отношении более отдаленного будущего 2,5:1). То, что неуверенных в завтрашнем дне оказалось в 1,5 раза больше, чем неуверенных в будущем, возможно, связано с ситуацией пандемии: лишь 1 из 9 респондентов посчитал, что в этих условиях его уверенность возросла, у почти каждого третьего (29%) она ослабла, 11% ответили еще жестче: «ее не было и нет». Но сохранилась надежда (вот он, оптимизм молодости), что негативные последствия пандемии и связанные с ней неудобства и ограничения уже в ближайшее время окончатся. Основное различие (в 3 раза!) проявилось в числе тех, кто не смог точно определить свое отношение.

Интерес представляет не только общая картина, но и детали. Заметно, что юноши проявляют большую уверенность и в ближайшем будущем (у них выше соотношение уверенных (варианты «полностью уверен» и «скорее уверен») и неуверенных («скорее не уверен» и «совсем не уверен») в завтрашнем дне — 2,3:1, чем у девушек — 1,8:1), и в более отдаленном будущем (соответственно, 3,6:1 и 2:1). Особенно резкое отличие в крайних оценках: полностью уверенных в завтрашнем дне среди юношей в 1,8 раза больше, чем совсем неуверенных (среди девушек — в 1,4 раза больше), в отношении к отдаленному будущему это соотношение 4:1 у юношей и 2:1 у девушек.

Гендерные различия — доминантные, во многом они определяют и другие. Но было бы неверно эти «другие» недооценивать. Наиболее уверены в завтрашнем дне респонденты, обучающиеся по профилю «науки об обществе», наиболее не уверены студенты естественнонаучного профиля (среди уверенных их доля в 1,5 раза ниже, чем в среднем по массиву, среди неуверенных — в 1,6 раза выше). Сходная ситуация и по уверенности в отдаленном будущем (среди неуверенных «обществоведов» в 1,3 раза меньше, чем в среднем по массиву, а «естественников» — в 1,4 раза больше).

Влияние семейного положения на уверенность в завтрашнем дне и более отдаленном будущем

почти не проявляется. Правда, выяснился один момент, для осмысления которого потребуются дополнительные исследования. В обоих случаях соотношение уверенных и неуверенных среди тех, кто живет в гражданском (незарегистрированном) браке, выше, чем у холостых/незамужних. Возможно, сказывается то, что, в отличие от многих взрослых (даже принимающих гражданский брак как «возможное», но зачастую сохраняющих недоверие к нему), у молодых людей с ним связывается какая-то жизненная определенность.

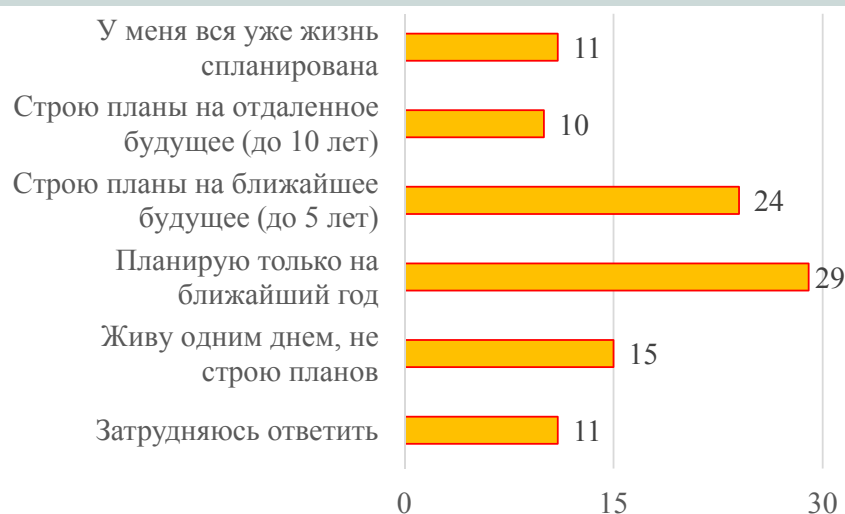
В оценках студентов, проживавших до вуза в разных типах поселений, сохраняется общая тенденция: их уверенность в завтрашнем (постковидном?) дне ниже, чем в отдаленном будущем. Но степень такой уверенности в обоих случаях различна. Можно понять, почему она выше у жителей Екатеринбурга, других мегаполисов (соотношение уверенных и неуверенных в завтрашнем дне — 2,3:1, в будущем — 2,9:1) и крупных (более 100 тыс. жителей) городов (соответственно, 2,1:1 и 2,8:1). Но объяснить, почему она у студентов — жителей сел и поселков городского типа (2:1 и 2,6:1) выше, чем у студентов, проживавших до вуза в малых и средних (до 100 тыс. жителей) городах (1,6:1 и 2:1), достаточно сложно. Одно из

возможных объяснений: для первых в большей мере, чем для вторых, поступление в университет означает «точку невозврата», что в период карантина и обучения в режиме онлайн они особенно ощутили. Это проявилось и в оценке влияния пандемии на уверенность в будущем: студенты — сельские жители чаще своих однокурсников — жителей малых и средних городов отмечали, что она «окрепла» (11% в сравнении с 6%) или «осталась такой же» (55 и 48%), и реже — что она «ослабла» (24 и 36%). Но проблема требует дальнейшего более глубокого изучения.

Во многом за уверенностью/неуверенностью в ближайшем и отдаленном будущем стоят проблемы планирования жизни, разработки жизненных стратегий (рис. 1). Хотя — и это важный позитивный результат нынешнего исследования в сравнении с предыдущими — основная масса респондентов (3 из 4) так или иначе планируют свою жизнь на перспективу, сама эта перспектива в основном — именно «завтра» («ближайший год»). Нельзя не отметить и еще один позитивный момент: доля тех, чей жизненный ориентир — «ноувизм» (от англ. now — сегодня, сейчас) снижается, но всё же эта доля еще высока — каждый седьмой.

Рис. 1. На какой период вы предпочитаете строить планы на жизнь?
(в % от числа опрошенных, N = 2 000, 2020 г.)

Fig. 1. For what period do you prefer to make plans for life?
(in % of the number of respondents, N = 2000, 2020)

Очевидно, было бы неверно полностью подержать позицию тех респондентов (1 из 9), чья жизнь уже сегодня четко «запланирована», ведь мы живем в «обществе риска», неопределенность трендов и перспектив развития которого постоянно возрастает. И «запрограммированность» поведения может конфликтовать с необходимостью постоянно адаптироваться к меняющимся условиям и не привести к желаемым жизненным целям. Но целеустремленность — важное качество современного человека. И похвально, когда уже в юности люди отказываются жить по принципу «проб и ошибок». Такая «запрограммированность» и перспективное планирование чаще, по их самооценкам, присуща жителям мегаполисов и крупных городов. О планах на ближайшее будущее (до 5 лет) чаще других говорят жители малых и средних городов, их же (как и сельских жителей) относительно больше среди тех, чей горизонт планирования ограничен ближайшим годом. И только по одному параметру различия между респондентами, проживавшими до университета в разных типах поселений, минимальны (в диапазоне 14-16%) — среди тех, кто «живет одним днем, не строит планов».

Оценивая, что мешает молодежи планировать свое будущее, 3 из 5 респондентов (61%) отметили объективную сложность — «значительную неопределенность, изменчивость ситуации». К тому же, как верно отметил в одной из своих последних статей О. Н. Яницкий, «современный мир развивается нелинейно, а также — изобилует неожиданными поворотами и качественными скачками (бифуркациями)» [14, с. 5453]. И в этих условиях особенно важно не просто формировать у молодежи стратегическое мышление (каждый девятый (11%) выделил «отсутствие опыта и навыков планирования»), но с акцентом на идею И. Ансоффа о «слабых сигналах» [1], т. е. вырабатывая умение видеть грядущие угрозы и проблемы, пока они лишь зарождаются и есть время смягчить их или подготовиться к их воздействию. По мнению каждого седьмого (14%), молодым мешает планировать будущее и преобладающая в СМИ и общественном мнении «негативная, трагическая» окраска возможных сценариев будущего. Лишь 6% считают, что ничто не мешает

разработке долгосрочных жизненных планов и стратегий (но это даже меньше числа тех, кто такие планы разрабатывает).

Отношение к будущему — важная, но не единственная в системе темпоральных (от лат. *tempora* «времена», взаимосвязь моментов времени и временных характеристик) установок. Особый интерес в этом плане представляет мнение К. Ясперса о взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего: «Видение настоящего в такой же степени зависит от восприятия прошлого, как от прогнозирования будущего. Наши мысли о будущем влияют на то, как мы видим прошлое и настоящее» [15, с. 29]. Уверенность в будущем чаще всего основана на удовлетворенности настоящим и позитивной оценке перспектив его развития. В этом плане интересны ответы респондентов на соответствующие вопросы (рис. 2).

Большинство (7 из каждых 10) респондентов удовлетворены своей жизнью. Их в 4,4 раза больше, чем неудовлетворенных. Не очень много и тех (1 из 7), кто не смог определиться точнее. Вновь заметно, что девушки — в сравнении с юношами — удовлетворены в меньшей степени.

Примечательное мнение, несколько отличное от расхожих оценок (и в чем-то неожиданное для нас, исследователей), высказали респонденты в отношении своей жизни и жизни своей (в основном — родительской) семьи по сравнению с предыдущим (2019) годом. В год, прошедший под знаком пандемии, в жизни каждого третьего (по самооценкам) ничего не изменилось (девушки отмечали это в 1,3 раза чаще). Другая треть отметила даже некоторое улучшение (среди мужчин их даже больше — двое из каждых пяти). И лишь один из четырех зафиксировал: стало немного или намного хуже. Вряд ли в указанных оценках могло проявиться стремление «приукрасить» ситуацию. Скорее всего, сказалось то, что дистантное обучение (мы не касаемся его влияния на качество обучения) во многих жизненных вопросах (затраты на транспорт, питание и т. д.) для студентов, и не только иногородних, было менее затратным. Примечательно, что больше всего отметивших улучшения (намного и немного) среди респондентов — жителей села и поселков городского типа (на втором месте — жи-

тели Екатеринбургa). Но ограничения для предотвращения дальнейшего распространения пандемии так негативно повлияли на привычный образ жизни студентов, что свои преимущественно позитивные оценки (в ответах почти каждого второго — 45%, в 4,5 раза чаще негативных) на ближайший год они соотносили с ее окончанием.

Вопросы про уверенность в своем будущем, со сравнением своей жизни с прошлым годом и предположением о жизни в следующем году относятся к показателям индекса оптимизма как одного

из трех основных компонентов при оценке социального самочувствия по методике Н. И. Лапина [5]. Именно уровень оптимизма представляет собой доминирующее восприятие действительности в связке «настоящее и будущее». Поскольку вопросы из портретной методики Н. И. Лапина впервые включены в анкету студенческого мониторинга, то сравнение возможно лишь с данными опроса населения от 18 лет Свердловской области в 2008 г., где была выделена подвыборка студентов и учащихся очного обучения (таблица 1). Хотя

Рис. 2. Насколько вы удовлетворены своей жизнью в целом? (в % от числа опрошенных, N = 2 000, 2020 г.)
Fig. 2. How satisfied are you with your life in general? (in % of the number of respondents, N = 2000, 2020)

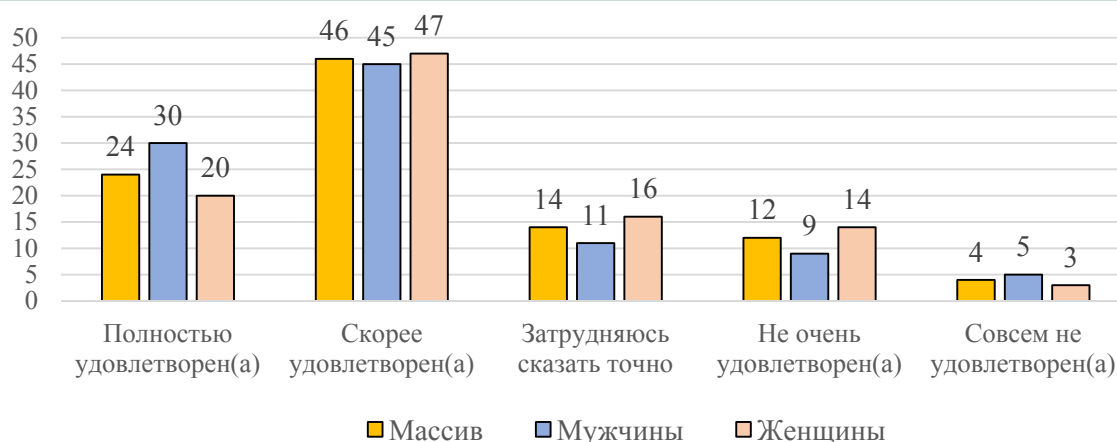

Таблица 1. Составляющие индекса социального самочувствия
Table 1. Components of the social well-being index

	2020	2008*	
	Студенты	Студенты, учащиеся	Всё население
Насколько Вы сегодня уверены или не уверены в своем будущем?	0,62	0,67	0,54
Вы и Ваша семья стали жить лучше по сравнению с прошлым годом или хуже?	0,55	0,63	0,57
Как Вы думаете, в ближайшем году Вы и Ваша семья будете жить лучше, чем сегодня, или хуже?	0,68	0,68	0,60
Индекс социального оптимизма	0,62	0,66	0,57

* За 2008 г. построено по данным базы «Социокультурный портрет Свердловской области» (N = 1 004 чел., 2008 г.), собранной под руководством И. А. Коха [4].

* For 2008, it was built according to the database “Socio-cultural portrait of the Sverdlovsk region” (N=1004 people, 2008), collected under the leadership of I.A. Koch [4].

строгое сравнение результатов невозможно, но определенные выводы очевидны.

Во-первых, несмотря на то, что между представленными замерами 12 лет, оптимизм среди студенческой молодежи Свердловской области не только не вырос, но даже немного снизился.

Во-вторых, очевидно, что сильнее всего «просел» индикатор по самооценке того, стали жить лучше по сравнению с прошлым годом или хуже, что, вероятнее всего, как раз связано с переживаемым в 2020 г. периодом пандемии коронавируса.

В-третьих, как отмечают тюменские коллеги, фиксирующие показатель социального самочувствия населения в своем регионе каждые 3-4 года, начиная с 2007 г., оптимизм определяется не только субъективными характеристиками респондентов (например, уровень оптимизма у молодых всегда значительно выше, чем в прочих возрастных группах), но и теми возможностями, которые имеются в регионе для улучшения жизни [11, с. 88]. Если человек видит возможности реализации своих способностей, считает, что люди в его регионе живут лучше, чем в других регионах, то и уровень его социального оптимизма будет выше. Очевидно, что период пандемии эти возможности самореализации для молодежи несколько ограничивает, что и отразилось в студенческих оценках оптимизма. Но молодые люди всё-таки по-прежнему с надеждой смотрят в

будущее, и оценка перспектив ближайшего года не снизилась.

При этом позиция наших респондентов далека от благодушия. Они довольно реалистичны в своих оценках, в частности, тех трудностей, с которыми сталкивается наше общество, наша страна (рис. 3).

Лишь 1 из 10 респондентов считает, что эти трудности уже позади, для каждого четвертого характерно соотношение «тяжелых времен» с текущим моментом. Но треть уверена: «они еще впереди». Учтем и большое (29%) число тех, кто затруднился с ответом.

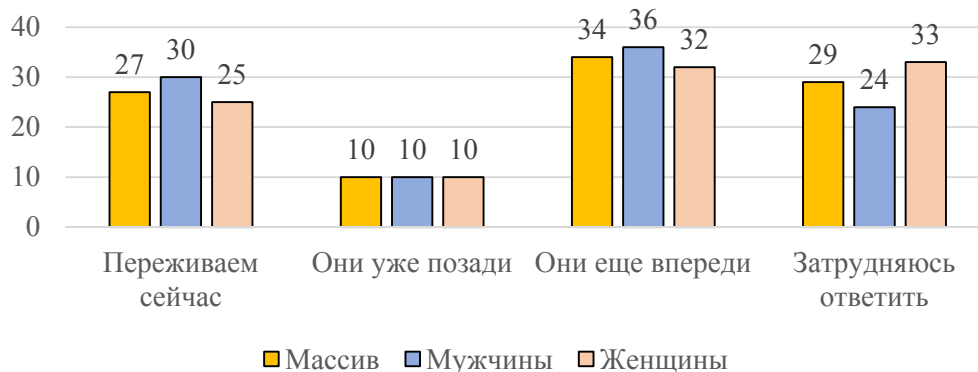
Весьма информативны и ответы респондентов о тех конкретных опасностях, с которыми они сталкиваются, об ощущении защищенности (или незащищенности) от этих угроз (таблица 2).

Заметно (и должно быть отнесено к позитивным результатам VIII этапа нашего мониторинга), что уральские студенты крайне редко (в диапазоне 6-16%) лично сталкиваются с проявлениями дискриминации на этнической, конфессиональной, возрастной и гендерной почве.

Несколько иначе стоит оценить опасность «одиночества». Конечно, мы не можем прямолинейно сравнивать с результатами предыдущих этапов, где проблема «как избавиться от одиночества, скуки, потери интереса к жизни» стояла в ряду личных проблем, которые особенно вол-

Рис. 3. Мы переживаем сейчас самые тяжелые времена, или они уже позади, или еще впереди? (в % от числа опрошенных, N = 2 000, 2020 г.)

Fig. 3. Are we going through the most difficult times right now, or are they already behind us, or are they still ahead of us? (in % of the number of respondents, N=2000, 2020)

ную, и была отмечена 13% (2012 г.) и 10% (2016 г.). Поэтому треть (31%) респондентов, не считающих себя защищенными от угрозы одиночества, — это не больше или меньше. Это — сигнал от студентов для организаторов работы с молодежью об остроте данной проблемы. Выясняется (особенно в специфических условиях 2020 г.): социальные сети далеко не всем молодым людям могут заменить «дефицит общения», даже в поколениях «Y» и «Z».

Вновь — по мере растущей автомобилизации и, самое главное, возрождения традиционной промышленности Урала (реиндустриализации) — усиливается экологическая угроза, что и отразилось в оценках студентов. Примерно по равной доле респондентов ощущают и не ощущают эту угрозу. Была гипотеза, что чувство защищенности от экологической угрозы у студентов из разных типов поселений будет отличаться. Но эта гипотеза не подтвердилась. Статистически значимых отличий в оценках между жителями мегаполиса, жителями других круп-

ных или малых городов и жителями сельских поселений не отмечено.

Уже привычным стало осмысление значительной частью студенчества сложностей трудоустройства и опасности стать бедным. Для молодежи, у которой трудовой опыт или мал, или вообще отсутствует, в известной мере «естественна» незащищенность от безработицы, которая коррелирует с незащищенностью от бедности (коэффициент Спирмана = 0,7 максимально статистически значим, ошибка < 0,001). При этом уже раньше и в наших исследованиях, и в исследованиях наших коллег-социологов подчеркивалось своеобразие отношения молодежи к труду и его оплате — акцент на принцип справедливости. Поэтому студенты беспокоятся не столько о невозможности найти работу после окончания вуза, сколько о том, позволит ли им эта работа реализовать и развить свой потенциал (трудовой, инновационный, образовательный и т. д.). А «бедность» в их понимании — не нищета, а незаслуженно низкая («не-

Таблица 2. Сегодня вы лично чувствуете себя защищенным от различных опасностей? (в % от числа опрошенных, N = 2 000, 2020 г.)

Table 2. Today, do you personally feel protected from various dangers? (in % of the number of respondents, N = 2000, 2020)

От каких опасностей	Да	Скорее, да	Трудно сказать	Скорее, нет	Нет	И ^{заш*}
От ущемления из-за Вашей национальности	65	18	11	3	3	0,85
От притеснений из-за Ваших религиозных убеждений	59	18	14	4	5	0,81
От притеснений из-за Вашего возраста или пола	44	25	15	11	5	0,73
От одиночества и заброшенности	29	22	18	13	18	0,58
От экологической угрозы	18	20	25	24	13	0,52
От преступности	22	16	24	18	20	0,50
От преследований за политические убеждения	27	11	22	13	27	0,49
От безработицы	19	17	25	18	21	0,49
От бедности	19	20	21	16	24	0,48
От произвола правоохранительных органов	22	14	24	15	25	0,48
От произвола чиновников	15	8	24	20	33	0,38
Индекс защищенности от опасностей						0,57

* И^{заш} — индекс защищенности, рассчитан по методике Н. И. Лапина [5] как средневзвешенный показатель частных индексов защищенности по шкале от 0 (нет чувства защищенности) до 1 (есть чувство защищенности).

* И^{заш} — the security index, calculated by the method of N. I. Lapin [5] as a weighted average of private security indices on a scale from 0 (no sense of security) to 1 (there is a sense of security).

достойная», не учитывающая их квалификацию) оплата труда.

Интересно, что несмотря на пандемию и некоторые проблемы на рынке труда, связанные с ней, защищенность студентов Свердловской области оказалась на том же уровне, что у молодежи Тюменской области в 2019 г., т. е. до распространения коронавируса и связанных с этим негативных последствий [7, с. 188]. Сравнение с 2008 г. тоже не показывает какого-либо значимого роста незащищенности, показатель примерно на том же уровне. Исходя из этого, можно сделать вывод, что, возможно, молодежь воспринимает пандемию коронавируса как краткосрочное явление, с надеждой оценивая перспективы ближайшего года, студенты пока не воспринимают происходящее как серьезную угрозу своему будущему трудоустройству, а соответственно, и материальному положению.

Использование новой методики позволило по-новому посмотреть на некоторые проблемы. Выявилась высокая степень ощущения незащищенности от преследований за политические убеждения (отметили 2 из 5), произвола правоохранительных органов (2 из 5) и произвола чиновников (каждый второй). Если первые два из отмеченных параметров несут отблеск «феномена Навального», где — особенно в условиях Екатеринбурга — в действиях многих молодых людей преобладал не столько «протестный» акцент, сколько «коммуникативный» (тусовка), то в отношении третьего сыграл роль и негативный личный опыт, а также, учитывая ограниченность непосредственного взаимодействия молодежи с чиновниками, стереотипы общественного мнения.

При этом ощущение молодыми людьми незащищенности от произвола чиновников и правоохранительных органов не является феноменом сегодняшнего дня. Еще в 2008 г. эта проблема была на 1-м месте рейтинга проблем-опасностей, при этом, по данным «портретов регионов», она характерна не только для студентов Свердловской области, но и для молодежи и всего населения других регионов России [7, с. 188; 12, с. 54-55]. Тут скорее вызывает тревогу, что за прошедшие 12 лет практически никаких значимых изменений не наблюдается.

А вот опасения о возможном преследовании за политические убеждения усиливаются, и это является своеобразным триггером. Столь низкой защищенности (0,49) от преследований за политические убеждения не отмечалось ранее в других регионах (например, в 2019 г. в Тюменской области среди молодежи индекс защищенности был 0,60), да и в Свердловской области в 2008 г. этот показатель защищенности был значительно выше (0,60). Понятно, что мнения молодых людей и их опасения требуют пристального внимания и организаторов работы с молодежью, и властных структур (причем не только органов по делам молодежи и молодежной политики).

Выделяя «красные зоны» применительно к студенчеству в целом, важно не упустить и проблемы для отдельных групп. Так, за общим ощущением защищенности от дискриминации по демографическим признакам стоит различие между юношами (среди них ощущают незащищенность в данном отношении лишь 8%) и девушками (у которых ее отметили почти в 3 раза чаще — 22%, каждая пятая). При общем ощущении незащищенности от произвола чиновников чаще других об этом говорят респонденты — жители малых и средних городов (свою защищенность они отмечают в 1,4 раза реже, чем в среднем). Наибольшую незащищенность от безработицы ощущают гуманитарии, а среди них будущие педагоги (каждый второй) и обучающиеся по естественнонаучному профилю (в том числе медики, аграрии) — два из каждых пяти.

Оценивая уровень социального самочувствия студенчества в целом, можно отметить, что несмотря на нынешнее непростое время, его социальное самочувствие остается устойчивым и относительно высоким (во всяком случае, не отмечается его значимого падения по сравнению с 2008 г., см. таблицу 3).

Современная молодежь, несмотря на существующие трудности в настоящем и ожидаемые в ближайшем будущем проблемы, всё же где-то в глубине души уверена, что она сможет благополучно реализоваться и устроиться в жизни. Но современное студенчество отличается достаточно высоким уровнем дифференциации. Заметны гендерные отличия: социальное самочувствие

девушек статистически значимо ниже ($I_{\Sigma} = 0,62$), чем у молодых людей ($I_{\Sigma} = 0,67$). Играют роль исходные условия: чем они лучше, тем выше уровень социального самочувствия. Например, у жителей крупных городов или городов-мегаполисов уровень социального самочувствия выше ($I_{\Sigma} = 0,66$), чем у выходцев из малых или средних городов ($I_{\Sigma} = 0,60$).

Большую роль для социального самочувствия студентов играют факторы обучения, т. е. каков профиль подготовки студента, удовлетворен ли он выбранной профессией, удовлетворен ли он выбранным вузом, а также тем, какую профессиональную подготовку получает в университете (у

тех, кто удовлетворен выбранным вузом и/или выбранной специальностью, $I_{\Sigma} = 0,66$, у неудовлетворенных $I_{\Sigma} = 0,52$). Но это вполне закономерное явление, пожалуй, в дополнительных комментариях не нуждающееся, ведь именно текущее обучение определяет перспективы будущего.

Отношение к будущему конкретизировалось с помощью выявления «образов будущего» в представлениях студентов. При этом разграничивалось «желаемое» и «ожидаемое» (вероятное) будущее. Оказалось, что эти образы существенно отличаются. Картина ближайшего (3 года) будущего написана мрачными «черно-серыми» красками (таблица 4).

Таблица 3. Сводный индекс социального самочувствия и его компоненты

Table 3. Composite index of social well-being and its components

	2020	2008*	
	Студенты	Студенты, учащиеся	Всё население
Индекс удовлетворенности жизнью ($I_{уд}$)	0,69	0,70	0,56
Индекс защищенности ($I_{защ}$)	0,57	0,55	0,52
Индекс социального оптимизма ($I_{опт}$)	0,62	0,66	0,57
Сводный индекс социального самочувствия (I_{Σ})	0,63	0,64	0,55

* За 2008 г. построено по данным базы «Социокультурный портрет Свердловской области» (N = 1 004 чел., 2008 г.), собранной под руководством И. А. Коха [4].

* For 2008, it was built according to the database “Socio-cultural portrait of the Sverdlovsk region” (N = 1004 people, 2008), collected under the leadership of I. A. Koch [4].

Таблица 4. С вашей точки зрения, наступление каких событий наиболее вероятно в ближайшие три года? (вопрос поливариантный, выбор ограничивался тремя параметрами, учтены положительные ответы по каждому параметру, 2020 г.)

Table 4. From your point of view, which events are most likely to occur in the next three years? (the question is polyvariant, the choice was limited to three parameters, positive answers for each parameter were taken into account, 2020)

События	Да, вероятно
Рост цен, инфляция, снижение жизненного уровня	66
Экологические аварии, ухудшение состояния окружающей среды	57
Политические беспорядки, протесты, митинги в стране	48
Конфликты, ухудшение отношений с другими странами	41
Наступление авторитаризма или тоталитаризма в стране	20
Развитие наукоемких отраслей и инноваций	19
Увеличение информационной открытости, свободы в обществе	17
Рост бюрократизации, формализма	16
Принятие законов и программ, способствующих развитию бизнеса и предпринимательства	12
Успешные экономические и социальные реформы	4

Наиболее вероятной перспективой развития страны на ближайшие 3 года респонденты назвали углубление экономического кризиса (рост цен, инфляция, снижение жизненного уровня) (2 из 3), ухудшение экологической ситуации (3 из 5), обострение политической ситуации и внутри страны (каждый второй), и на международной арене (2 из 5). О позитивных переменах упоминалось гораздо реже.

Причем в своих оценках и юноши, и девушки очень близки. Значимы лишь различия в том, что мужчины демонстрируют большую уверенность в усилении проявлений авторитаризма (в 1,5 раза), а девушки — большую обеспокоенность из-за возможного ухудшения экологической ситуации.

Нет серьезных различий и в оценках студентов — жителей разных типов поселения. Разве что жители сел и поселков городского типа меньше других отмечают перспективу роста бюрократизации и развития авторитаризма.

Иная по тональности и характеру оценка желаемого будущего (таблица 5).

Наши респонденты хотели бы в перспективе жить в обществе, где обеспечено экономическое благополучие и высокий (достойный) уровень жизни (3 из 4), где соблюдаются права человека и утвердятся не формальная, а реальная демократия (3 из 5); в обществе, основными принципами которого станут равенство (не уравниловка, а равенство возможностей) и справедливость

(почти каждый второй). Для них, выросших в условиях становления рыночных отношений, альтернативы рынку нет. Но они хотели бы более быстрого перехода к эффективной рыночной экономике. Даже после патриотического подъема (2014 г. — «Крым наш!», 2020 г. — «Спасибо прадеду за Победу») лишь для 1 из 5 значимо возвращение России роли великой державы. Возможно, стоило бы упрекнуть представителей «цифрового» поколения в недооценке перспектив развития «информационного» общества. Но, скорее всего, они считают эту характеристику будущего общества само собой разумеющейся.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, исследование в очередной раз выявило перекося в темпоральных установках студентов: чем ближе оценка к личным проблемам, тем она более оптимистична. Возможно, сказывается тренд, выявленный М. К. Горшковым и его коллегами на общенациональном уровне: «российский социум довольно динамично, по историческим меркам, движется в сторону современного общества потребления, в котором зависимость населения от власти постепенно снижается, а личные, индивидуальные интересы начинают превалировать над общественными» [8, с. 15]. В ракурсе нашего мониторинга особенно важен их вывод, что «„самодостаточная часть общества“ локализуется в основном среди молодых и хорошо

Таблица 5. На ваш взгляд, к чему должна стремиться наша страна в будущем? (вопрос поливариантный, выбор ограничивался тремя параметрами, учтены положительные ответы по каждому параметру, 2020 г.)

Table 5. In your opinion, what should our country strive for in the future? (the question is polyvariant, the choice was limited to three parameters, positive answers for each parameter were taken into account, 2020)

События	Да
К достижению высокого жизненного уровня, экономического благополучия	75
К соблюдению прав человека, демократическому обществу	58
К равенству и справедливости	45
К эффективной рыночной экономике	37
К толерантности, уважению прав меньшинств	27
К значительному развитию высоких технологий, сферы IT	27
К обществу, с которым считаются другие страны	20
К сильной государственной власти	15
К распространению гуманистических ценностей	15
К обществу, где высоко ценят традиции, опыт поколений	12

обеспеченных россиян, а также тех граждан, которые отличаются выраженными достигательными установками и стремлением к самореализации» [8, с. 15-16]. Отмеченный выше тренд не смогла поколебать и пандемия. Об этом говорят также материалы опроса ВЦИОМ, опубликованные под характерным названием «Россияне оценивают собственную жизнь выше, чем ситуацию в стране в целом» [10].

Завершить общий анализ представлений уральских студентов о будущем хотелось бы их оценкой возможного влияния молодежи на развитие нашего общества. Почти две трети (63%) опрошенных респондентов отметили, что у современной

молодежи сегодня есть возможность повлиять на развитие нашего общества, добиться изменений к лучшему, лишь 28% не согласились с этим. Как видим, эта оценка достаточно высока. И это радует. Молодежь высоко оценивает свой потенциал, а обществу важно обеспечить условия, чтобы молодежь стала реальным драйвером социального развития.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-33064 «Молодежь о будущем России и о себе: вызовы настоящего и конструирование горизонтов будущего».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ансофф И. Стратегическое управление / И. Ансофф; [пер. с англ.]. М.: Экономика, 1989. 519 с.
2. Зубок Ю. А. Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3 (157). С. 13-41. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1602
3. Колин К. К. Мир после пандемии коронавируса: новые уроки, ценности и прогнозы / К. К. Колин // Стратегические приоритеты. 2020. № 1-2 (25-26). С. 4-8.
4. Кох И. А. Управление социокультурными изменениями в регионе / И. А. Кох. Екатеринбург: УрАГС, 2011. 204 с.
5. Лапин Н. И. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация-2010) / Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. М.: ИФ РАН, 2010. 135 с.
6. Осипчукова Е. В. Видение молодежью своего будущего в аспекте субъективного благополучия / Е. В. Осипчукова, Н. В. Попова // Вестник педагогических инноваций. 2020. № 1 (57). С. 59-68.
7. Ромашкина Г. Ф. Динамика составляющих социального самочувствия молодежи и предикторы доверия / Г. Ф. Ромашкина, В. А. Давыденко // Условия и способы повышения активности молодежи как субъекта инноваций и устойчивого развития регионов: сборник докладов/статей участников XV Всероссийской научно-практической конференции в рамках инициативной программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» (Санкт-Петербург, 09-11 октября 2019 г.). СПб.: Реноме, 2019. С. 185-199.
8. Российское общество и вызовы времени / [М. К. Горшков и др.]; под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова; ФАНО, Ин-т социологии РАН. М.: Весь Мир, 2016. Кн. 4. 398 с.
9. Россия и мир во время и после пандемии COVID-19: вызовы и возможности: коллективная монография / Е. С. Вылкова, С. Е. Гришин, И. В. Петрова [и др.]. СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2020. 274 с.
10. Социальные настроения: мониторинг // Аналитический обзор ВЦИОМ. 13.01.2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-nastroeniya-monitoring> (дата обращения: 25.03.2021).
11. Социокультурная динамика — портрет Тюменской области: коллективная монография / науч. ред. Г. Ф. Ромашкина, В. А. Давыденко. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2015. 358 с.
12. Социокультурные факторы модернизации Чувашии: итоги трех волн исследования / И. И. Бойко [и др.]; под ред. И. И. Бойко, А. П. Долговой. Чебоксары, 2018. 280 с.

13. СТУДЕНТ 1995-2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала: монография / Л. Н. Банникова [и др.]; под общ. ред. Ю. Р. Вишневского; Министерство образования и науки Российской Федерации, Совет ректоров вузов Свердловской области, Ассоциация профсоюзных организаций студентов вузов Свердловской области, Уральское отделение Российского общества социологов, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург: УрФУ, 2017. 904 с.
14. Яницкий О. Н. Волонтерство в чрезвычайных ситуациях: теоретические и методические проблемы / О. Н. Яницкий // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов: сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса (Тюмень, 14-16 октября 2020 г.) / отв. ред. В. А. Мансуров; ред. Е. Ю. Иванова. М.: РОС: ФНИСЦ РАН, 2020. С. 5448-5462.
15. Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс; пер. с нем. М. И. Левиной. М.: Политиздат, 1991. 527 с.

RESEARCH ARTICLE

DOI 10.21684/2587-8484-2021-5-3-84-98

UDC 316.42

The image of the future through the eyes of Ural students

Yuri R. Vishnevsky¹, Anna N. Tarasova², Daria F. Telepaeva³

¹ Dr. Sci. (Philos.), Honorary Professor, Sociology and Public Administration Department, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russian Federation)
soc_stu@e1.ru

² Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Sociology and Public Administration Department, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russian Federation)
ORCID: 0000-0002-9448-2893, Researcher ID: B-1811-2017
a.n.tarasova@urfu.ru

³ Assistant, Sociology and Public Administration Department, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russian Federation)
daria.telepaeva@urfu.ru

Abstract. The study of the temporal attitudes of young people is one of the relevant topics, given the situation of uncertainty and riskiness in which society is today, including due to the COVID-19 pandemic. The problem considered in the article consists in identifying the social construction determinants of one's personal future in conjunction with the future of one's country in the minds of the younger generation. The purpose of the article is to show how students of the Urals see the future, to highlight changes in attitudes during a pandemic. The article is based on the data of the 8th stage of monitoring the student body of the Middle Urals, carried out in 2020, that is, during the coronavirus pandemic. A total of 2,000 students from 13 universities of the Sverdlovsk region took part in the survey. The paper uses the methods of descriptive analysis, the method of correlation analysis based on the Spearman coefficient, and the index method. According to the results of the study, a general tendency was highlighted: in the assessments of students, confidence in the future (post-COVID?!) day is lower than in the distant future. At the same time, the impact of the pandemic on the perception of their own future by students was not as strong as one might expect. Some contradiction is noted: assessing their present and future, students turn out to be more optimistic than assessing the future of the country. It is concluded that there is a bias in the temporal attitudes of students. Discrepancies in the images of the "desired" and "expected" future are indicated. Ural students speak about positive changes in the country much less often than about negative ones. Combined with a declining self-esteem of being protected (0.49) from persecution for political beliefs, this poses a potential threat that requires the close attention of all youth workers. It is recommended to form strategic thinking in young people, developing the ability to see future threats and problems, while they are just emerging and there is time to mitigate them or prepare for their impact.

Keywords: students, the Urals, temporal attitudes, the image of the future, the desired future, the expected future, security, optimism, social well-being, long-term life plans.

Citation: Vishnevsky Yu. R., Tarasova A. N., Telepaeva D. F. 2021. "The image of the future through the eyes of Ural students". Siberian Socium, vol. 5, no. 3 (17), pp. 84-98.
DOI: 10.21684/2587-8484-2021-5-3-84-98

Acknowledgements: The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 20-011-33064 “Youth about the future of Russia and about themselves: the challenges of the present and the construction of the future horizons”.

REFERENCES

1. Ansoff I. 1989. Strategic management. Translated from English. Moscow: Economics. 519 p. [In Russian]
2. Zubok Y. A., Chuprov V. I. 2020. “Life strategies of youth: realization of expectations and social moods”. Monitoring of public opinion: economic and social changes, no. 3 (157), pp. 13-41. DOI 10.14515/monitoring.2020.3.1602 [In Russian]
3. Colin K. K. 2020. “The world after the coronavirus pandemic: new lessons, values and forecasts”. Strategic priorities, no. 1-2 (25-26), pp. 4-8. [In Russian]
4. Kokh I. A. 2011. Management of socio-cultural changes in the region. Yekaterinburg: UrAGS. 204 p. [In Russian]
5. Lapin N. I., Belyaeva L. A. 2010. Program and standard tools “Socio-cultural portrait of the region of Russia” (Modification-2010). Moscow: IP RAS. 135 p. [In Russian]
6. Osipchukova E. V., Popova N. V. 2020. “Young people’s vision of their future in the aspect of subjective well-being”. Bulletin of pedagogical innovations, no. 1 (57), pp. 59-68. [In Russian]
7. Romashkina G. F., Davydenko V. A. 2019. “Dynamics of components of social well-being of youth and predictors of trust”. Conditions and ways to increase the activity of young people as a subject of innovation and sustainable development of regions: a collection of reports / articles of the participants of the 15th All-Russian Scientific and Practical Conference within the framework of the initiative program “Problems of the socio-cultural evolution of Russia and its regions” (Saint-Petersburg, 9-11 October 2019), pp. 185-199. [In Russian]
8. Gorshkov M. K., Petukhov V. V. et al. (ed.). 2016. Russian society and challenges of the time. Book 4. FANO, Institute of Sociology RAS. Moscow: Ves Mir. 398 p. [In Russian]
9. Vylkova E. S., Grishin S. E., Petrova I. V. (ed.). 2020. Russia and the world during and after the COVID-19 pandemic: challenges and opportunities: collective monograph. Saint-Petersburg: Higher Educational Institutions Publishing and Printing Association. 274 p. [In Russian]
10. Analytical review of VTsIOM. Social moods: monitoring. 13.01.2021. Accessed on 25 March 2021. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-nastroenija-monitoring> [In Russian]
11. Romashkina G. F., Davydenko V. A. (ed.). 2015. Socio-cultural dynamics — a portrait of the Tyumen region: a collective monograph. Tyumen: Tyumen State University Publishing House. 358 p. [In Russian]
12. Boyko I. I., Dolgova A. P. (ed.). 2018. Socio-cultural factors of modernization of Chuvashia: the results of three waves of research. Cheboksary. 280 p. [In Russian]
13. Bannikova L. N., Vishnevsky Yu. R. (ed.). 2017. STUDENT 1995-2016: dynamics of socio-cultural development of students in the Middle Urals: monograph. The Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the Council of Rectors of Universities of the Sverdlovsk Region, the Association of Trade Union Organizations of University Students of the Sverdlovsk Region, the Ural Branch of the Russian Society of Sociologists, the Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. Yekaterinburg: UrFU. 904 p. [In Russian]
14. Yanitskiy O. N. 2020. “Volunteering in emergency situations: theoretical and methodological problems”. Edited by V. A. Mansurov, E. Yu. Ivanova. Sociology and society: traditions and innovations in the social development of regions: a collection of reports of the 6th All-Russian Sociological Congress (Tyumen, 14-16 October 2020), pp. 5448-5462. [In Russian]
15. Jaspers K. 1991. The meaning and purpose of history. Translated from German by M. I. Levina. Moscow: Politizdat. 527 p. [In Russian]